

АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В СЕМАНТИКЕ АНГЛИЙСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ МЕНТАЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

С утверждением когнитивной парадигмы знаний значительное место в лингвистических исследованиях занимают вопросы концептуализации как процесса, демонстрирующего антропоцентризм человеческого мышления. Особенно интересно, на наш взгляд, рассмотреть механизмы формирования концептуальных оснований имен прилагательных, образующих во многих отношениях непростую языковую категорию.

Прежде всего необходимо отметить, что, в отличие от присутствующих во всех языках категорий глагола и имени существительного, встречаются языки, в которых прилагательные либо вообще отсутствуют, либо составляют немногочисленную категорию, в которую входят слова, называющие такие неотъемлемые свойства предметов, как размер, форма, цвет, вкус, текстура [10: 13-14]. Что касается английского языка, то картина здесь совершенно иная: категория адъективных имен не только обширна, но и, по наблюдению Т. Гивона, потенциально может включать безграничное количество единиц [9: 816].

Неоднократно отмечалось, что прилагательные демонстрируют признаки, характерные для других знаменательных частей речи. Так, Дж. Росс и Дж. Лакофф пришли к выводу, что адъективы являются разновидностью глаголов: “strong evidence for the assertion that what traditional grammarians called adjectives and verbs are really members of the same major grammatical category” [цит. по 9: 830]. В трансформационной грамматике впервые обратились к изучению глубинной структуры прилагательных. Согласно гипотезе Н. Хомского, прилагательные являются производными от предложений, и на глубинном уровне фразы *The tall man left* находится предложение *The man is tall*. А Дж. Лакофф полагает, что за каждым

прилагательным в атрибутивной функции стоит экстра глубинное предложение (extra deep structure sentence) [11: 145]. В результате трансформации глубинных структур прилагательных Т. Гивон заключает, что прилагательные не являются семантическими примитивами в отличие от существительных и глаголов [9: 835]. Однако исследования генеративистов не затрагивали когнитивного аспекта семантики прилагательных.

Еще в рамках традиционного подхода исследователи установили, что значения полисемичных слов порождаются общей идеей. Анализируя семантику испанского прилагательного *nuevo*, А.И. Ещенко определяет такую идею как общий минимум значения лексемы, который включает в себя «набор наиболее абстрактных семантических признаков и образует архисемему, входящую в состав любого индивидуального значения лексемы» [4: 31]. Изучение поля прилагательных цвета в разных языках показало, что когнитивные модели цветоименований группируются вокруг нескольких концептуальных ядер [1].

В своем исследовании мы разделяем мнение о том, что «в процессе познавательной деятельности человек членит реальность на отдельные элементарные представления» [3: 17], и вслед за И.К. Галаншиной будем обозначать их как базовые концепты. Поскольку посредством адъективных имен на языковом уровне передаются определенные концептуальные структуры, в наши задачи входит установить, какие базовые концепты формируют эти структуры и, соответственно, семантику прилагательных.

Хотя «преобразование языка в речь происходит в силу определенных установок, стереотипов, свойственных членам данного языкового коллектива» [2: 366], существуют архетипические представления, по-своему отражаемые в конкретных языках. В ходе исследования группы прилагательных, обозначающих ментальные характеристики человека, были выявлены прилагательные, семантика которых включает архетипические составляющие, и также прилагательные, обладающие национально-культурной спецификой. Мы полагаем, что, независимо от времени создания

слова, его семантика может строиться на базе идей, отражающих «коллективное бессознательное», поскольку, как писал К.Г. Юнг, «фантазии, имеющие архетипическую структуру, возникают самопроизвольно и в любое время и в любом месте, даже если всякая возможность для их заимствования отсутствует» [8: 12].

Ученые отмечают, что особенность человеческого мышления – представлять все явления и процессы окружающей жизни в виде антиномических пар: «в архаических культурах Евразии... и всего мира фиксируется устойчивая система бинарных оппозиций, характеризующих структуру физического, психического и социальных миров» [6: 501]. Интересен тот факт, что еще в древности люди осознавали эту особенность человеческого мышления. Аристотель приводит бинарную классификацию, разработанную пифагорейцами, по мнению которых «имеется десять начал, расположенных попарно: предел и беспредельное, нечетное и четное, единое и множество, правое и левое, мужское и женское, покоящееся и движущееся, прямое и кривое, свет и тьма, хорошее и дурное, квадратное и продолговатое» [цит. по 6: 502].

Е.М. Мелетинский выявил и детально исследовал многочисленные бинарные оппозиции, в результате чего пришел к заключению, что они базируются на «простейшей пространственной и чувственной ориентации человека (верх/низ, левый/правый,...), которые затем “объективируются” и дополняются простейшими соотношениями в космическом пространственно-временном континууме (...солнце/луна...), в социуме (свой/чужой...)» [5: 230]. При этом один элемент оппозиции маркирован положительно, а противоположный – отрицательно.

В семантике прилагательных со значением ментальной характеристики актуализируются, в частности, такие архетипические оппозиции, как Правое – Левое и Свой – Чужой.

В архаических картинах мира «правое» ассоциировалось с жизнью, счастьем, и входило в группу положительных элементов наряду с понятиями

«мужское, солнечное, южное, теплое, доброе» [7: 236; 6: 634-635]. В работах, посвященных исследованию древних культур и архаическому сознанию, выдвигается гипотеза о том, что пространственное членение мира имеет биологическую природу. В архаических культурах пространственная ориентация наложилась на космический порядок, а затем – на социальный [6: 502-503]. При этом положительная маркированность «правого» обусловлена прежде всего физиолого-психологическими причинами – правая рука является наиболее сильной и способной к действиям, что связано «с генетическими особенностями устройства правого и левого полушария человека, в частности, с доминантностью левого полушария, управляющего движением правой руки» [Там же: 505]. Однако существует точка зрения, согласно которой преимущественное положение правой руки объясняется выделением правой стороны как сакральной в силу того, что при обращении к восходу Солнца – подателю жизни, справа оказывается солнечная, южная сторона. Понятие «правое» встраивается в систему бинарных оппозиций: правое/левое, юг/север, сакральное/профанное, мужское/женское, свет/тьма и т.д. [Там же].

Семантика прилагательного *dexterous* основывается на базовом концепте **ОРИЕНТАЦИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО СТОРОН СВЕТА**. Данное прилагательное образовано от лат. прил. *dexter* *правый, находящийся справа* от РПЕ основы **desk-* *находящийся по правую руку*. Поскольку «правое» обладает архетипическим смыслом положительного, то данное прилагательное передает положительную ментальную характеристику. Интересно, что оппозиция концептуальных операторов «правый» – «левый» является асимметричной, с невербализованным вторым членом. По нашему мнению, в семантике адъектива *dexterous* отразились оба архаические представления значимости правой стороны. Во-первых, это представление о ведущей роли правой руки при выполнении различных действий, о том, что человек – правша. Умелость ремесленника определяется искусностью ручной работы, т.е. тем, насколько хорошо человек умеет владеть правой рукой.

Неслучайно английское прилагательное *dexterous* включает значение «праворукий». Во-вторых, представление о том, что ремесло относится к понятиям положительного ряда, ремесленные изделия связаны с жизнью, благостью, некоторые из них, особенно режущие и колющие, служат оберегами [7: 423]. То, что латинское прилагательное *dexter*, помимо значения «правый, находящийся справа», имеет значения «умелый, искусный», «удобный», «благотворный, спасительный, милостивый» свидетельствует о положительной оценке, передаваемой первым элементом оппозиции «правый – левый».

Достичь высокого мастерства дано не каждому, только человек, обладающий необходимыми способностями и умом, в состоянии стать искусным ремесленником. Прилагательное *dexterous* характеризует человека способного, сообразительного и умелого.

В семантике ряда прилагательных ментальной характеристики реализуется и другая архетипическая оппозиция: «свой – чужой». В группу таких слов входят адъективы, концептуальная структура которых организуется, в частности, базовым концептом ПРИСВОЕНИЕ. Поскольку понятие «свой» маркировано положительно, то прилагательные, семантика которых базируется на идее присвоения, выражают положительную ментальную характеристику человека. Например, этимоном прилагательного *clever* 1590 г. является слово из восточно-английского диалекта, означавшее «expert at seizing». Предположительно, значение прилагательного *clever* сложилось под влиянием ОЕ существительного *clifer* *claw*, *hand*. Употребление адъектива по отношению к интеллектуальным способностям впервые зарегистрировано в 1704 г. [12].

Этимонами прилагательных *apt*, *inept* также являются основы со значением «хватать». Слово *apt* XIV в. происходит от лат. *aptus* *прилаженный, пригодный, соразмерный, способный*, образованного от протоиндоевропейской основы **ap-* *to grasp, take, reach* [12]. В современном

английском у прилагательных развились следующие значения: apt – quick to learn and understand; inept – incompetent.

Присвоение предмета может осуществляться посредством двух близких по характеру протекания действий, различающихся по интенсивности: либо «хватать», либо «брать». И в концептуальной структуре слов *capable*, *incapable*, *perceptive*, *percipient* фиксируются обе идеи. Прилагательные *capable*, *incapable* восходят к лат. гл. *capere* *хватать, брать, получать*. Слова *perceptive* и *percipient* этимологически происходят от лат. гл. *percipere*, также мотивированного глаголом *capere*. Интересно, что данный латинский глагол образован от протоиндоевропейской основы **kap-* *to grasp*.

Значения рассмотренных прилагательных возникают в результате метафорической проекции механического действия (область-донор) на умственную деятельность (область-реципиент). Механическое действие «хватать» включает несколько последовательных этапов: человек должен достичь предмет – протянуть руку – схватить – удержать. Причем, чтобы схватить, необходима скорость движения и усилие, направленное на удержание предмета. При этом немаловажное значение имеют размеры предмета, которые позволяют совершить данное действие. Не случайно в санскрите слово *karati*, происходящее от протоиндоевропейской основы **kap-*, имеет значение *two handfuls две пригоршни*. Аналогично, чтобы приобрести некое знание, требуется иметь доступ к информации, понять, освоить (схватить), удержать в памяти, проявить быстроту мышления. И объем знания должен быть посильным для освоения. В результате подобно тому, как человек присваивает предмет, так и знание становится «своим».

Кроме того в концептуальной структуре слова может передаваться идея взаимосвязанных операций «брать» – «держать». Причем первое действие (брать) является обязательным условием для осуществления второго (держать). Так, прилагательные *able*, *unable* XIV в. восходят к лат. гл. *habere* *держать, брать*.

В случае неспособности человека сделать предмет своим, если предмет остается «чужим», такое качество человека оценивается отрицательно. На языковом уровне не-присвоение передается при помощи словообразовательных аффиксов *un-*, *in-*.

Таким образом возможно заключить, что в концептуальной основе семантики ряда английских прилагательных со значением ментальной характеристики человека лежат архетипические оппозиции, обуславливающие положительную или отрицательную оценку обозначаемого качества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Братчикова Н.С. Цветовая картина мира в финском и русском языковом сознании: дис. ... д. филол. наук. – М., 2006. 349 с.
2. Гак В.Г. Высказывание и ситуация // проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1973. – С. 349-372.
3. Галаншина И.К. Функциональный статус наречий в системе частей речи: Автореферат дис. канд. филол. наук. – М., 1989. – 24 с.
4. Ещенко А.И. Семантическая микросистема прилагательного *puevo* в современном испанском языке: дис. ...канд. филол. наук. – М., 1976. – 194 с.
5. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М.: Наука, 1976. – 407 с.
6. Подосинов А.В. Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 720 с.
7. Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстого в 5 томах. – Т. 4. – М.: Международные отношения, 2009. – 650 с.
8. Юнг К.Г. Психологический комментарий к «Тибетской книге мертвых» // Тибетская книга мертвых. – М., 1995. – С. 5-18.
9. Givon T. Notes on the semantic structure of English adjectives. // *Language*. Vol.46. №4. 1970. – P. 816–837.

10. Givon T. On understanding grammar. – N.-Y., San Francisco, London: Academic Press, 1979. 379 p.
11. Lakoff G. Pronominalization, negation, and the analysis of adverbs // Readings in English transformational grammar. – Wiltham, Massachusetts, 1970. – P. 145-165.
12. Oxford Dictionary of English Etymology. – Oxford: The Clarendon Press, 1966.